

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЕ ПЕТРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
Всероссийской научной конференции
с международным участием
15–16 ноября 2023 г.

МОО «ПЕТРОВСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК И ИСКУССТВ»

Отделение исторических наук

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЕ ПЕТРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ЭКОНОМИКА,
КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО

Материалы
Всероссийской научной конференции
с международным участием
15–16 ноября 2023 г.

Санкт-Петербург
Издательство РХГА
2024

УДК 947

ББК 63.3:66.0:68,8:76,12:305,04:353/354

Научно-редакционный совет:

академик, проф., д. и. н. *В. Г. Афанасьев*

академик, проф., д. э. н. *С. Д. Волков*

академик, проф., д. и. н. *И. И. Рогозин* — председатель

академик, доцент, к. и. н. *П. И. Талеров*

академик, проф., д. и. н. *А. В. Лосик*

Д22 **Двадцать пятые Петровские чтения:** Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 15–16 ноября 2023 г. — СПб.: Издательство РХГА, 2024. — 440 с.

ISBN 978-5-907505-18-6

DOI 10.25991/y2778-9823-0522-y

В сборник научных трудов вошли доклады и сообщения участников конференции, состоявшейся в ноябре 2023 г. в Санкт-Петербурге.

Печатается по решению Отделения исторических наук Петровской академии наук и искусств.

ISBN 978-5-907505-18-6

© ПАНИ, 2024

© АНО ВО «РХГА», 2024

6. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа. — М.: Индрик, 2003. — 246 с.
7. Колчин М. А. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. — М.: Посредник, 1908. — 176 с.
8. Петушенко В. И. История Русской Церкви. Первый патриарший период (конец XVI–XVII в.): курс лекций. — М.: Изд-во ПСТГУ (Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета), 2020. — 460 с.
9. Сегодня — память святых Соловецких мучеников, за древнее благочестие пострадавших // Самарское староверие. — Электронный ресурс: URL: <http://www.samstar.ucoz.ru/> [дата обращения: 15.11.2023].
10. Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов старообрядцев в XVII веке. — М.: Типолитография Ф. А. Фальк, 1889. — 317 с.
11. Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Поморья в XVI–XIX вв. — Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1975. — 188 с.
12. Церковный старообрядческий календарь на 2023 год // Русская православная старообрядческая церковь Алтайский старообрядец Старообрядческий сайт (РПСЦ): староверы Алтая. — Электронный ресурс: URL: <http://www.altaiстарover.ru/articles/643-pravoslavnyj-kalendar-2023-god> [дата обращения: 16.11.2023].
13. Чумичева О. В. Геронтий // Православная энциклопедия. — Т. XI: Георгий — Гомар. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. — С. 415–416.
14. Юхименко Е. М. Соловецкое восстание 1668–1676 гг. и старообрядческая «История о отцах и страдальцах Соловецких» // Архив русской истории. — Вып. 2. — М.: Христианская тип. при Преображенском богдельном доме, 1992. — С. 69–75.

УДК 93/94

Самыловская Е. А.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОТЕСТАНТОВ В ВЫБОРГЕ И ВЫБОРГСКОЙ ПРОВИНЦИИ ПРИ ПЕТРЕ I

Аннотация: Статья посвящена изучению правового положения протестантов в Выборге и Выборгской провинции в период правления Петра I. На основе анализа отечественной историографии и материалов Российского государственного исторического архива автор статьи пришел к выводу, что обеспечение религиозных прав и свобод местно-

го протестантского населения стало частью процесса этноконфессиональной и политической инкорпорации территорий в состав молодой Российской империи.

Abstract: The article is devoted to the study of the legal status of Protestants in Vyborg and the Vyborg province during the reign of Peter I. Based on the analysis of domestic historiography and materials from the Russian State Historical Archive, the author came to the conclusion that ensuring the religious rights and freedoms of the local Protestant population became part of the process of ethno-confessional and political incorporation of territories into the young Russian Empire.

Ключевые слова: Выборг, Выборгская провинция, протестанты, инкорпорация, религиозные права, Ништадтский мирный договор, Петр I.

Keywords: Vyborg, Vyborg province, Protestants, incorporation, religious rights, Treaty of Nystad, Peter I.

*Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 23-78-10064
«Западные окраины Российской империи: проблемы этноконфессиональной инкорпорации в XVIII веке».*

Триумфальная победа Петра I в Северной войне повлекла за собой не только присоединение к России новых территорий с экономическим и военным центром Выборгом, но и увеличение количества подданных молодой империи — протестантов, чей правовой статус ещё только предстояло установить.

В первой четверти XVIII в. издание ряда законов было вызвано противоречиями религиозной жизни, возникшими в ходе войны: наличие в России пленных шведов, а также протестантского населения на присоединенных территориях [1, с. 117]. Российской монархии необходимо было выстроить правовые отношения с новыми подданными.

Свобода вероисповедания в России была заложена еще в 1702 г. в Манифесте «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания», гарантирующем свободное отправление частных и публичных богослужений для протестантов и католиков, оказавшихся на российской службе [2, с. 194]. В дальнейшем по мере завоевания шведских территорий это право стало распространяться и на местных жителей. Так, во втором пункте «Реялции о взятии крепости Выборг» 1710 г. Петр I гарантировал свободу вероисповедания для жителей города: «*купцы, рукоремесленные, и духовные, и протчие да будут содержаны при их вере в милости, и призрении по обычаю*» [Цит. по: 3, с. 61]. Окончатель-

ное закрепление религиозных прав было зафиксировано в 10-м пункте Ништадтского мирного трактата 1721 г.: «...в таких уступленных землях не имеет никакого принуждения в совести ведено быть; но паче Евангелическая вера, кирхи и школы, и что к тому принадлежит, на таком основании на каком при последнем Свейском правительстве были оставлены и содержаны...» [Цит. по: 4, с. 425], т. е. на приобретенных территориях, в т. ч. и территории Выборга, подтверждалось действие Общего шведского церковного устава 1686 г.

В 1711 г. для управления делами протестантов на территории России Петр I создал должность суперинтенданта, на которую был назначен московский пастор Бартольд Фагециус. Все присоединенные территории, в том числе и Выборг, входили в сферу его деятельности [5, с. 151; 6, с. 48]. В условиях ведения войны для Петра I было принципиально важно обеспечение лояльности по отношению к российской монархии. Поэтому в 1715 г. Фагециусу был выдан «Патент на чин суперинтенданта над всеми обретающимися в России лютеранскими кирхами», согласно которому в должностные обязанности суперинтенданта входило не только обеспечение «мира и порядка» в протестантских общинах, но и осуществление жесткого контроля за тем, чтобы при всех кирхах и во всех общинах находились лояльные благонадежные пасторы, не позволяющие себе ни в публичных, ни в частных выступлениях высказываний против российского владычества [7, с. 52–53]. Однако создание лютеранской церковной организации так и не состоялось: в 1718 г. звание суперинтенданта было снято с Фагециуса, а новый суперинтенданта так и не был выбран [6, с. 48; 8, с. 65].

Стоит отметить, что вопрос о лояльности к российской монархии стоял довольно остро и подчеркивался и в последующих документах. Так, в 1720 г. в Выборгскую канцелярию был направлен указ Петра I от 29 июля 1720 г. о порядке назначения пасторов, согласно которому назначение должно было осуществляться по нормам Шведского церковного устава, т. е. посредством избрания церковной общиной, однако подчеркивалось, что избранные пасторы должны были быть верны России, не вести запрещенную переписку с противником и не шпионить в пользу Швеции. В качестве их поручителей должны были выступать прихожане и старосты кирхи [8, с. 77–78]. В дальнейшем, при обращении о назначении пастора, Синод будет требовать предоставления письменного обязательства прихожан кирхи с присягой по их вере и личными подписями [9, л. 4; 10, л. 1–3].

После подписания Ништадтского мира значительная часть шведов, проживавших в том числе в Выборге и Выборгской провинции, получили возможность возвратиться на родину, в Швецию. Оставшимся в России предоставлялась свобода вероисповедания: оставаться в своей вере, иметь свои кирхи и пасторов [6, с. 184]. Согласно реестру 1724 г., под юрисдикцию российской короны попала одна кирха в Выборге и семь кирх, находящихся на территории Выборгского уезда [11, л. 9 — 9 об.]. Однако часть духовенства начала покидать территорию Выборга и Выборгской провинции, начиная с 1710 г., чем вызвала определенный «дефицит кадров» в регионе, тем самым ставя вопрос о том, кого назначать на должность пасторов и каким образом.

После разграничения территорий между Россией и Швецией оказалось, что часть территорий Выборгского уезда оказались без кирх и пасторов, так как часть кирх осталась на шведской территории, а часть духовенства покинула территории, отошедшие России. Так, например, жители Питер-кирхи были вынуждены ходить на шведскую территорию для отправления богослужений и обрядов (в т. ч. венчания, крещения и похорон), так как «кирочного духовного управления» там не имелось. Безусловно, подобные эпизоды не способствовали инкорпорации новоприобретенных территорий в состав Российской империи. Поэтому в 1724 г. для обеспечения гарантированной в Ништадтском трактате свободы вероисповедания, для духовного управления Питер-кирхи указом Петра I из Выборга был направлен выборгский житель Яган Свинт, недавно прибывший из духовной академии в г. Або [12, л. 1–4].

При шведском владении функцию постановления в пасторы и любой другой духовный чин выполнял выборгский епископ. Он доносил информацию шведскому королю, который своим указом назначал пастора и извещал об этом епископа. Последний уже своим указом сообщал препозиту, но незадолго до взятия Выборга епископ покинул город, и пасторов начали назначать препозиты.

Однако после учреждения Синода был создан прецедент, позволивший Духовной коллегии вмешиваться в дела назначения протестантского духовенства в Выборге и Выборгской провинции [8, с. 93–94]. Так, в 1721 г. обер-комендант Выборга И. М. Шувалов обратился в Синод за разъяснением по вопросу о назначении пастора Сердобольского погоста Кексгольмского уезда: препозит Мелартопеус предложил Шувалову назначить на эту должность пастора Угонемского погоста Георгиуса Вастина, в свою очередь, при-

хожане кирхи еще в ноябре 1720 г. подали прошение о назначении Ягана Тараниуса, отец которого до этого окормлял общину. Первоначально из Синода был отправлен именной указ Петра I о назначении Вастина, не имеющего поддержки со стороны прихожан кирхи, что противоречило указу от 29 июня 1720 г. [13, л. 1–4, 13] Прихожане кирхи ни много ни мало решили выступить против повеления царя и подали челобитную, подписанную 40 членами общины, в которой вступались за своего земляка и отмечали, что другого патера они не выбирали. В челобитной самого Ягана Тараниуса, поданной в июле 1721 г. в Синод на имя Петра I, было отмечено, что должность пастора при кирхе фактически передавалась по семейной линии. В результате из Синода поступил указ Петра I от 12 июля 1721 г. о назначении пастором все-таки Ягана Тараниуса с требованием получить от него письменное обязательство быть лояльным к российскому владычеству: *«корреспонденции в Швецию не чинить и противно его царского величества и всего российского государства ничего ни тайного, ни явного, ни под каким подлогом не предвоспринимать, что ежели докажется причтено будет ему во измену»*, иметь ему *«всякое дображелательное попечение яко подданому и пребывающему во услугах к его царскому величеству и всему российскому государству»* [13, л. 13–14]. При этом предписывалось при получении такого обязательства взять письменную присягу *«по вере его»* и отправить в Синод [13, л. 14]. В дальнейшем сложилась практика подачи прошений кандидатов в пасторы к кирхам напрямую в Синод [8, с. 95].

Пасторская присяга при вступлении в должность не была чем-то принципиально новым: подобную присягу требовалось давать согласно Шведскому церковному уставу, и носила она традиционную форму [8, с. 101]. Тем не менее формулировки присяги с течением времени претерпевали изменения. В качестве примера можно привести две присяги: 1723 г. и 1726 г. Общим и обязательным для обеих присяг было наличие гарантий верности правящему монарху и его потомкам. Так, в присяге Якоба Фростмана 1723 г. указывалось, что *«...я хочу и буду за моего прямого государя именем и держать Его Всепресветлейшее Великодержавнейшее Императорское Величество всея России самодержца, и после Его Императорскому Величеству смертного приключения, которое бог милостиво да отдилит Его Императорского Величества по тому быти имеющих, которые на престол придут, я також де долженствую быть Его Императорского Величества высококовоз-*

любленной сожительнице Ея Императорского Всепресветлейшего Величества Императрицы и их императорских высокопомянутых всепресветлейших величеству родным наследникам. Императорской державе принадлежащие правоты по крайнему разумению и возможности хранить и оборонять буду, також де как наилучшее запотребна, и никакой себе иметь дабы служить и помогательство в той и в другой мере верной службы моей и его величества к пользе касается по моей возможности препятствоваться, и возбраняться его императорского величества и его величества державу убытку и гибели понеже вовремя ведать дать и донесть...» [Цит. по: 10, л. 9–9 об.].

В присяге Густава Ливании 1724 г. говорится: «Также я стану иметь своей прямой Государыне, Ея Императорского Величества, Екатерину Алексеевну, всея великия, и малыя и белыя России самодержицу, и по смерти Ея Императорского Величества, которой Боже умножи лет, по ней наследником, который будет владеть престолом императорским, такожде детям Ея Императорского Величества, верный и справедливый слуга нижайший, и все к высокому Ея Императорского Величества власти и сил предналежащие права по крайнему своему разуму и возможности, и при том стану по крайней мере старатца, и о том стоять во всем, что Ея Императорскому Величеству в каком случае к верной службе и к пользе следовать может. И я буду Ея Императорского Величества в государстве ежели услышу какую противность и утрату, стоять и доносить в прямое время, такоже во всем буду послушен и покорен своим духовным властям, и о чем будут требовать моего отправления, стану верно исполнять и никаким лукавством и недостойным порядком себя производить не буду, погодно и поденно что выразумлю по заповеди Божий подтверждать себя по верному закону и артикулу и учения своего не оставлю...» [Цит. по: 8, с. 289–290].

После разграничения территорий между Россией и Швецией несколько кирх Выборгского и Кексгольмского уездов отошли Швеции, а деревни, относящиеся к ним, — к России. В результате местные жители для отправления религиозных обрядов ходили за границу в свои прежние кирхи, о чем было доложено в Сенат выборгским обер-комендантом И. М. Шуваловым с просьбой издать императорский указ о строительстве новых кирх. Интересно, что в качестве аргумента им приводился тот факт, что за неимением поблизости кирх местным представителям власти негде опублико-

вать императорские, сенатские и коллежские указы, а следовательно, полноценно управлять данными территориями, проводить правовую инкорпорацию, т. е. вопрос переходил из религиозной в политическую плоскость. Безусловно, игнорировать этот вопрос российская монархия не могла себе позволить, поэтому указом Петра I от 24 июня 1723 г. по рассуждению Синода было принято решение о строительстве двух новых кирх, способных обеспечить религиозные нужды местного населения, а также отмечено, что в возникновении подобных случаев населению необходимо подавать челобитные в Выборгскую канцелярию [14, л. 1–8].

Более того, православным духовенством предпринимались попытки распространить на новые территории финансовые обязательства, наложенные на проживающих здесь православных. В свою очередь, выборгский препозит Крестьян Мелартопеус рьяно защищал права местных лютеран. Когда ямбургским православным духовенством была предпринята попытка обложить вечными памятями и прочими церковными пошлинами лютеран на новоприобретенных территориях, Мелартопеус, ссылаясь на пункты Ништадтского трактата, отстоял право не платить данные пошлины, как это было заведено еще при шведском владении [12, л. 11 об. — 12].

В 1723 г. выборгский препозит, опять же ссылаясь на 10-й пункт мирного трактата, просил у Синода разрешения о строительстве (организации) в Выборге лютеранской школы для малолетних детей, в которой бы они обучались евангелической вере и другим наукам, а также просил обеспечить эту школу лекторами и учителями, которых бы содержала российская казна. Прежние школа и гимназия, находившиеся на обеспечении шведского короля, перестали существовать в связи с отсутствием в городе необходимых духовных лиц [15, л. 1–6], т. е. российская администрация должна была обеспечить как финансовую, так и кадровую составляющую данного предприятия.

Таким образом, регламентация конфессиональной деятельности протестантского населения Выборга и Выборгской провинции осуществлялась преимущественно непосредственно указами Петра I, а также распоряжениями Синода и Сената. В основе лежали положения Ништадтского мирного трактата, гарантировавшие протестантам свободу вероисповедания и права, которыми они обладали при шведском владычестве. При этом российская монархия осознавала роль протестантского духовенства в вопросе

сохранения преданности государству и лично правителю, а кирх в качестве центров религиозной и общественно-политической жизни. Соответственно, обеспечение религиозных прав и свобод местного населения стало частью процесса этноконфессиональной и политической инкорпорации территорий в состав молодой Российской империи.

Литература

1. Алакшин А. Э. Российское законодательство XVIII века о регламентации конфессиональной деятельности протестантов // Вестник Челябинского государственного университета. — Челябинск, 2008. — № 18 (119). — С. 116–120.
2. Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. Т. 4. № 1910.
3. Ведомости времени Петра Великого: в память 200-летия первой русской газеты: [вып. 1–2]. — Вып. 2. 1708–1719. — М., 1906. — 387 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. Т. 6. № 3819.
5. Андреев А. Н. Протестантские церкви и общины Москвы в XVIII в. // Вопросы истории. — М., 2013. — № 12. — С. 148–158.
6. Курило О. В. Лютеране в России, XVI–XX вв. — [Б. м.]: Фонд «Лютер. Наследие», 2002. — 400 с.
7. Кузнецов Н. Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // Временник Демидовского юридического лицея. — Ярославль, 1898. — Кн. 75. — С. 65–104.
8. Соловьева Г. Ф. Материалы Российского государственного исторического архива о лютеранских приходах Северо-Запада XVIII — нач. XX вв. как исторический источник: дис. на соиск. канд. ист. наук: 07.00.09 / Соловьева Галина Федоровна. — СПб., 2008. — 295 с.
9. РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 268.
10. РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 317.
11. РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 128.
12. РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 240.
13. РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 271.
14. РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 344.
15. РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 710.